



Москва. Здесь 14(26) сентября 1805 года он родился в старинной дворянской семье. Здесь, в родительском доме, сохранившемся до сих пор в Кривоколенном переулке, прошла почти вся его жизнь. Получив прекрасное домашнее образование, семнадцатилетний юноша становится вольнослушателем курса Москов-

ского университета. Он посещает лекции лучших профессоров того времени, ему все интересно: риторика, логика, изящная словесность, философия, анатомические занятия. Но сильнее других интересов в юноше развивается пристрастие к философии.

● ВЫ НАС ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ

У Т Р Е Н Н Я Я З А Р Я

КАК-ТО у Ираклия Андроникова я нашел всего несколько слов о поэте прошлого столетия Дмитрие Вeneвителине. В этих нескольких словах было столько задушевного, была такая любовь к лирику, что сразу же захотелось узнать о нем больше, тем более что Андроников эмоционально призывал нас, сегод-

нящих читателей, открыть для себя Вeneвителина. В сентябре исполняется 175 лет со дня рождения поэта. Пожалуй-ста, расскажите о нем.

Д. МАКАРОВ,
учитель истории.

г. Вологда.

ПРИ ТОМ многообразии и многогранности талантов, которыми славится литература России девятнадцатого столетия, есть писатели, чьи имена упоминаются чаще всего в созвучии с другими, более известными. Между тем яркостью и необычностью своих дарований они, бесспорно, заслуживают иной участи.

Про Дмитрия Владимировича Вeneвителина видный историк литературы, академик Н. Котляревский писал: «Когда заходит разговор о счастливых днях пушкинской поэзии... всегда произносят его имя. Есть люди, имена которых как старые знамена: все отдают им дань уважения, все на них указывают, но редко кто знает, в каких они были битвах и что на них изображено и написано».

К сожалению, это справедливые слова...

В истории русской литературы нет поэта, который оставил бы о своей короткой и яркой жизни столь искреннюю сердечную память. Его любили при жизни и о нем, ушедшем, страдали лучшие люди России. Герцен писал: «Ужасная, черная судьба выпадает у нас на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром... Даже те, которые правительством поощрялись, погибают едва распустившись, спеша оставить жизнь... Вeneвителин убит обществом двадцати двух лет».

Родным городом Дмитрия Владимировича Вeneвителина была

Москвы. Здесь 14(26) сентября 1805 года он родился в старинной дворянской семье. Здесь, в родительском доме, сохранившемся до сих пор в Кривоколенном переулке, прошла почти вся его жизнь. Получив прекрасное домашнее образование, семнадцатилетний юноша становится вольнослушателем курса Москов-

ского университета. Он посещает лекции лучших профессоров того времени, ему все интересно: риторика, логика, изящная словесность, философия, анатомические занятия. Но сильнее других интересов в юноше развивается пристрастие к философии. В Москве возникает первый в России философский кружок «Общество Любомудрия», активным членом которого становится Вeneвителин. «Любомудров» поражает его самостоятельность суждений, оригинальность мышления, ясные и четкие речи. Поэт становится главным вдохновителем Общества, а философия превращается для него в смысл жизни. Эта наука, по его мнению, призвана сыграть преобразующую роль в судьбе России. Собратья поэта по Обществу убеждены были, что Вeneвителин мог бы стать «создателем философии русской».

Увлечение философией отождествлялось в те годы с вольнодумством. Много позднее стали известны секретные документы тайной полиции, пристально следившей за деятельностью «любомудров», — ее находили «развратной». После событий на Сенатской площади кружок прекратил свое существование, все его документы члены Общества уничтожили собственноручно. И все же Вeneвителину не раз припомнят его «любомудрствованья». Но в те же годы поэт зани-

хивными юношами» в «Евгении Онегине».

Вeneвителину было шестнадцать лет, когда он написал первое известное нам стихотворение. При жизни поэта оно не было опубликовано. Стихотворение впервые увидело свет, открыв собой посмертное собрание сочинений Вeneвителина.

Не такое уж оно многостраничное, это собрание сочинений. Но все, что составляет его, написано кровью сердца: стихи — негодование, стихи — нежность, стихи — боль... Вeneвителин не выступал в поэзии с открытым протестом, но многое из написанного им отличалось «обличительной силой». Недаром цензурой запрещены и искажены были стихи «Новгород», «Кинжал», «Завещание», «К моей богине» и прозаическое сочинение «Сцены из Эгмонта». Стихотворение «Новгород» — это неизбежная грусть поэта об ушедших временах вольницы:

Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич врагов,
Звуча здесь медью

в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Как глас отца сзывал сынов?...
Скажи, где эти времена?
Они далеко, ах далеко!

Осуждение «монархического образа правления» узрела здесь цензура. А могла ли она пропустить такие слова в «Эгмонте»,

обращенные к мастеровым людям: «Если бы между вами были люди с душой, да люди к тому же с головой, то мы бы одним махом разорвали оковы?»

Вольнолюбивый мечтатель, сочувствовавший декабристскому движению, Вeneвителин вынужден был пережить всю горечь поражения восставших. Наступив-

из Сибири, куда он помогал добратся княгине Трубецкой, первой из женщин, поспешившей к своему ссыльному мужу. На допросе Вeneвителин без боязни заявил, что если он «и не принадлежал к обществу декабристов, то мог бы легко принадлежать к нему». Ответ очень схожий с ответом Пушкина Николаю I. Одна-

всех недовольных». Вот такую женщину суждено было полюбить Вeneвителину, он говорил, что она «отравила» его «ядом мечты и страсти безотрадной». Будучи старше поэта на 13 лет, Волконская смогла ответить на его искреннее, глубокое чувство лишь дружеским участием.

Желанию друзей и близких отдалить его от Волконской Вeneвителин был обязан своим переводом в Петербург. «В горький час прощанья» княгиня подарила Дмитрию Владимировичу перстень, некогда найденный при раскопках Помпеи. Этот перстень поэт решил надеть только в день свадьбы или в день смерти. 15 марта 1827 года было последним днем Вeneвителина, не пережившего разлуку с любимой. Перед смертью находившийся у его постели Хомяков надел на палец друга заветный перстень. На мгновение придя в себя, поэт спросил: «Разве я женюсь?» — «Нет», — едва сдерживая слезы отвечал Хомяков.

«Как вы допустили его умереть?» — спрашивал жившую в Петербурге Анну Керн Пушкин...

Ежегодно на протяжении сорока лет друзья поэта собирались в день его кончины. Они шли на кладбище Симонова монастыря к надгробному памятнику, на котором была выбита одна строка из написанного им: «Как знал он жизни! как мало жил!».

Вeneвителин, по словам Белинского, «единственный у нас поэт, который даже современниками был понят и оценен по достоинству. Это была прекрасная утренняя заря, предвещавшая прекрасный день».

...И еще о перстне, без которого не будет полным рассказ о краткой жизни поэта. В конце стихотворения «К моему перстню» он написал:

Века промчатся,
и быть может,
Что кто-нибудь мой прах
встревожит
И в нем тебя отроет вновь....

Когда в 1930 году могилу Вeneвителина переносили на Новодевичье кладбище, нашли перстень, и теперь он хранится в Государственном Литературном музее.

А. КОРНЕЕВ.

ко прямых улики против Вeneвителина не было, и после двухсуточного ареста его освободили.

Первые же месяцы пребывания в столице стали последними в жизни поэта. Петербург оказался для него роковым городом. Он словно чувствовал это и работал, работал, работал. «У него, в 24-х часах, из которых составлены сутки, не пропадает ни минуты, ни полминуты, — говорил о тех днях Вeneвителина его друг Ф. Хомяков. — Ум, и воображение, и чувство в беспрестанной деятельности».

Ему дано было понимать и чувствовать многое. Он знал в себе этот дар и знал, что счастья ему этот дар не сулит.

Душа сказала мне давно:

Ты в мире молнией
промчишься!
Тебе все чувствовать дано,
Но жизнью ты
не насладишься.

В свою короткую жизнь Вeneвителин пережил сколь прекрасную, столь и трагическую любовь. Избранницей его сердца стала княгиня Зинаида Волконская.

Ее Пушкин величал «царицей муз и красоты», Россини с похвалой отзывался о ее артистическом и вокальном даровании, жандармская характеристика считала, что княгиня «готова разорвать на части правительство», а ее салон стал «средоточием